

К. Белокур. Букет цветов. 1940

„Красота спасет мир”

- Стр. 231 **А.П.Кабанова.**
Заметки с выставки
- Стр. 231 **Соприкосновение.**
- Стр. 242 **Палитра Бога,
или Путь к сотворчеству**
- Стр. 248 **Истина Екатерины Белокур**

Истинное искусство, пропущенное через внутреннюю структуру творца, несет в себе ту Красоту, которая обладает энергетикой Высшего. Красота, как любое энергетическое явление, живет по Великим законам Космоса. Она имеет свои особенности и свои пути, соединяющие инобытие с материей нашего плотного мира. В XX веке в этой таинственной и сложной области произошли изменения, которые определили дальнейшее развитие Красоты как космического явления. Почти на наших глазах она прошла от символизма к реализму; но не к тому реализму, который еще совсем недавно назывался "социалистическим", а к тому, что несет в себе новую Красоту, наполненную светом и удивительными формами инобытия, где сверкает прозрачность материи иного измерения, где бьется и пульсирует энергетика высоких вибраций. Искусство этой новой Красоты мы условно назвали космизмом. Возможно, со временем мы назовем его по-другому.

Новая Красота, наполнившая души земных художников, прошла длинный и тернистый путь, через дебри людского непонимания и невежества, через трагедии ее творцов, через сопротивление плотной инертной материи. Несмотря ни на что, она с каждым годом все более укрепляется, ее влияние в культурном пространстве планеты все более расширяется и ее тонкая энергетика все глубже входит в людское сознание. Такие великие творцы, как Николай Константинович Рерих, Микалоюс-Константинас Чюрленис, а также художники группы "Амаравелла", внесли свой важный вклад в формирование новой Красоты, в ее эволюционное проявление в нашем земном пространстве. Вот уже который год Музей имени Н.К. Рериха проводит в своих залах выставки всех, кто продолжает идти по пути Новой Красоты, расширяющей сознание тех, кто соприкасается с их произведениями.

В этом номере мы представляем читателю три рецензии Адели Петровны Кабановой, тонкого знатока и неустанного проповедника истинного искусства. Журнал будет регулярно публиковать очерки о таких выставках и представлять на своих страницах репродукции произведений художников-космистов.

А.П. Кабанова

Заметки с выставки

Соприкосновение

*Мы живем лишь затем, чтобы открывать
красоту. Все прочее – разновидность
ожидания.*

Джебран Халиль Джебран
(поэт, писатель, художник)

Поверите ли вы, уважаемые читатели, если я скажу, что давно не была так счастлива, как в дни, когда встретилась с героями этого очерка? Даже расшифровывая дома пленку, где был записан разговор с художниками на выставке в залах Международного Центра Рерихов, я испытывала такую радость, что сердце мое просто пело. Нет, это не была радость репортера, поймавшего за хвост сенсацию, или самоуверенное предвкушение автора, что уж о такой-то выставке материал обязательно получится! Радость моя была бескорыстной радостью человека, получившего новое подтверждение тому, что есть еще она в жизни, эта красота многоликая! Красота подлинной живописи, расцветшей среди агрессивного засилья всяческой "попсы". Красота бескорыстных человеческих отношений в мире стяжательства и корысти. И, наконец, красота творческого соприкосновения поколений, разделенных отрезком времени длиной в целую жизнь, почти эпоху. Соприкосновения, словно вспышкой молнии озарившего мир голубых грез – выставку "Сны о прошлом". Нет, не уводящую от жизни, а наполняющую душу светом и надеждой.

Кто же подарил нам, зрителям, радость соприкосновения с этим миром? Вот они, его творцы, – Августа Васильевна Оранская, родившаяся в 1925 году, и Дмитрий Борисович Небогатов, 1969 года рождения.

Как ни странно, а может быть, как раз закономерное, они оба чем-то очень похожи. Об этом им не раз говорили. Стройная, высокая, с молодыми порывистыми движениями (оказывается, горнолыжница!), с лицом седовла-

сой аристократки – таков облик художницы Августы Оранской. И хрупкий, узколицый, с рыжеватой бородкой, с удлинненными серыми, временами вспыхивающими глазами художник, в свои тридцать с небольшим похожий на юношу. Юношу эрудита и философа.

Что притянуло друг к другу этих людей? Какая сблизила общность? И как проявилось это в их картинах?

Загадочная синь сумерек в полотнах Дмитрия Небогатова, таинство его "белых ночей", живущие в них образы прекрасных дам, романтических персонажей...

*Невозвратный мираж пасторального рая,
Карнавал, где раздумий не знает никто...*

Ш. Бодлер

Фейерверк образов, красок, древних символов, ушедших времен – все напоено радостью молодости, яркой ее красотой. Все это словно вибрация света и музыки отзвучавшей когда-то жизни...

– Это сны о Серебряном веке русского искусства, – рассказывает свои картины Дмитрий Небогатов. – Вот то, что ушло, но душа человеческая старается снова обрести потерянное.

– Вы думаете, оно не совсем потеряно?

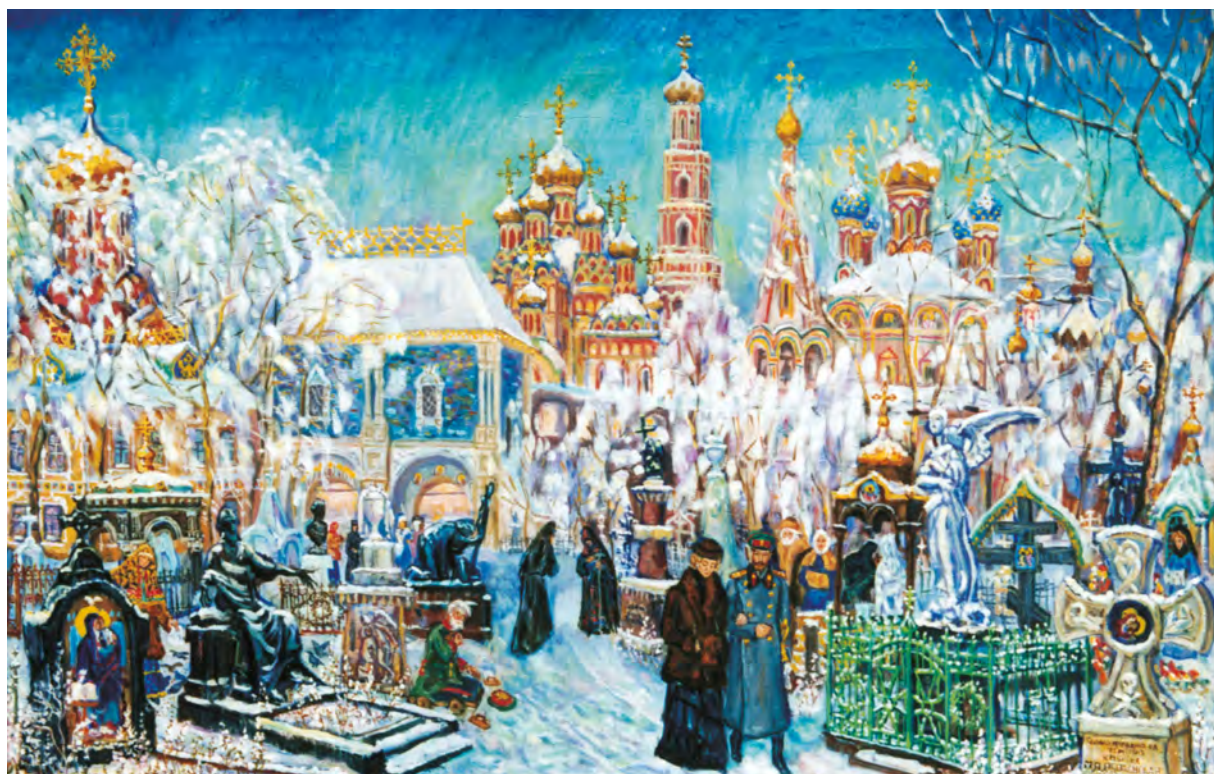
– Думаю, не совсем. Оно как бы есть, и нет, как Феникс, восстающий из пепла, как четвертое измерение, которое мы чувствуем, знаем, но как его постичь?

Так, наверное, и Серебряный век русского искусства еще сто лет назад пытался прозреть тонкие миры других измерений в живописи, в

"Красота спасет мир"

Д. Небогатов. Портрет Августы Оранской

Д. Небогатов. Зимний день. 1990

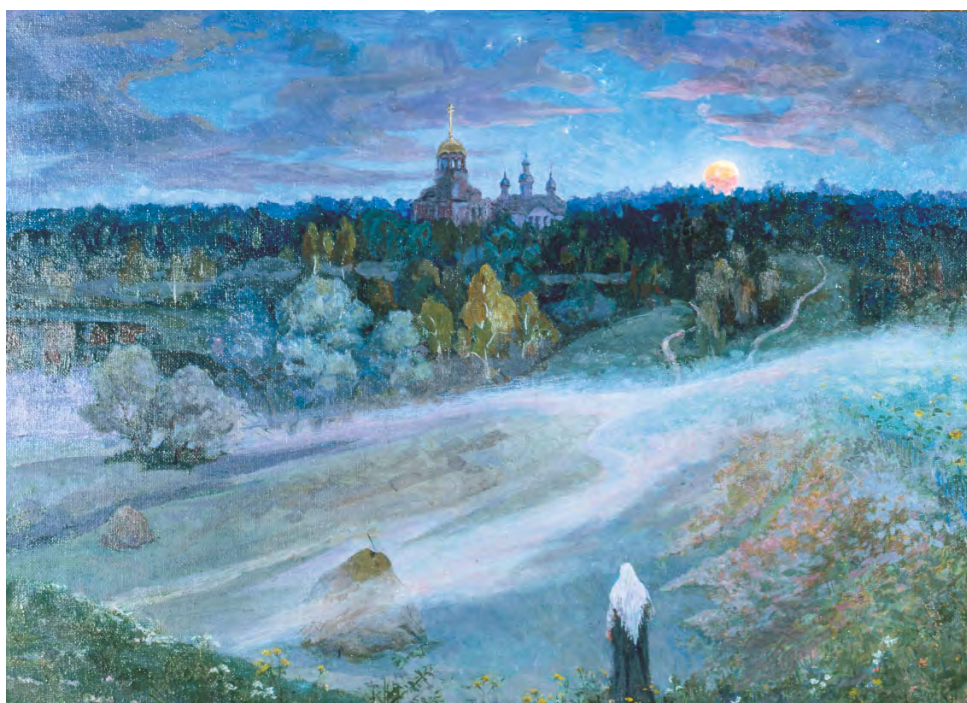

А. Оранская. Портрет З. Гитиус

"Красота спасет мир"

Д. Небогатов. Сон Петербурга

А. Оранская. Раздумье

Д. Небогатов. Фрейлина. 1990

"Красота спасет мир"

А. Оранская. Предзимье

поэзии... Вот одно из таких прозрений Зинаиды Гиппиус (о ней, ее портрете еще будет разговор дальше):

*Я к солнцу, к солнцу руки простираю
И вижу полог бледных облаков...
Мне кажется, что истину я знаю –
И только для нее не знаю слов...*

Вот и теперь ищут поэты, художники слова, образы, краски, чтобы выразить истину – наше соприкосновение с Мирами Высшими, без которого человек теряет духовность, главное свое достояние. Может быть, поэтому так и привлекает сегодня художников Серебряный век русского искусства.

– Видите ли, у каждого есть любимое свое время, и у меня это – Серебряный век, модерн. Тем более, что по году рождения я к не-

му куда ближе, чем Дмитрий Небогатов, – говорит Августа Васильевна. – Но вот что удивительно, вовлек-то меня в любимое мое время, в творческое его осмысление именно он, Дима Небогатов. Когда мы познакомились, а тому уже одиннадцать лет, меня поразила его смелость, эрудиция. Подружились мы как-то сразу и много гуляли по Москве. Дима рассказывал мне о памятниках, храмах. А когда он привел меня к церкви Марфы и Марии на Ордынке, я вспомнила детство, которое прошло в здешних местах. Дима, знавший, что я пишу и печатаю стихи, сказал: "Напишите об этом".

Так родилось у Августы Васильевны это стихотворение:

*Аукнулось мне на Ордынке детство,
Тридцатые, дни осени сырые.
Куда в свободный день девчонке деться,*

А.П. Кабанова. Заметки с выставки

Как не в обитель Марфы и Марии?

.....
*Но за воротами насквозь резными
Между немых церквей витала тайна:
Елизаветы Федоровны имя.
О нем тогда забыли не случайно.
И не случайно всем известно ныне,
Что было скрыто от людских очей:
Как, умирая, матушка-княгиня
Молилась за своих же палачей!
Иные русские, себя спасая,
Покинули Россию навсегда,
Она ж, – пришелец из чужого края, –
Осталась в эти страшные года...
Когда "грядущий храм" умылся кровью,
И воцарилась высшему хула,
Княгиня, обреченная любовью,
Вершила милосердия дела...*

Образ Елизаветы Федоровны и дальше не отпускал художницу, требуя своего воплощения на полотне. И если у Дмитрия Небогатова уже создан был портрет Великой княгини, то Августа Оранская написала не портрет, а картину. Картину "крестного пути" Елизаветы Федоровны.

Он еще на земле, облик юной принцессы, ее дивно-одухотворенное лицо. А над ним в синеве уже нездешнего мира, – образ убиенного Великого князя Сергея Александровича. На земле и обитель Марфы и Марии, куда после гибели мужа (взорванного террористом Каляевым) ушла Елизавета Федоровна. У входа в обитель – резные ворота, и уже подстерегает возле них княгиню Смерть на красном коне от "грядущего хама"... А надо всем этим в синеве небес царит и светит нетленный лик теперь уже Святой Елизаветы (Великая княгиня канонизирована русской церковью).

Картина эта стала для Августы Оранской этапной на пути ее духовного возрождения, начало которого сама художница отсчитывает от перестройки, когда рухнули советские запреты и открылась свобода дышать и мыслить. Вот тут-то и появился в жизни Августы Васильевны двадцатилетний Дмитрий Небогатов.

На новом витке спирали нашей российской истории, куда вступили мы все в послед-

ние десятилетия, именно молодое поколение, не отягощенное духовными веригами советских догматов, наиболее остро и свежо восприняло то непреходяще-прекрасное в русском искусстве прошлого, что совсем недавно было под запретом.

Своей любовью к этому прошлому Дима Небогатов пробудил еще не реализованные возможности таланта уже сложившейся к тому времени художницы, чьи пейзажи и натюрморты украшали коллекции живописи во многих странах. Теперь же открылась новая ипостась – она стала автором поэтических многоплановых картин, по духу и тематике соприкасающихся с Серебряным веком.

В нынешнем тандеме двух художников каждый одновременно и ведущий, и ведомый. Начиналось же это так. Много лет преподававшая искусство живописи, работавшая и театральным художником Августа Васильевна стала для юного Дмитрия, по его же словам, "Учителем высокого уровня". Она помогала ему осваивать технику живописи, решать композиционные задачи, выявляя в молодом художнике самые яркие стороны его дарования.

– Августа Васильевна очень много в меня вкладывает, – говорит Дмитрий Небогатов. – Мы работаем с ней как бы в традициях Возрождения, когда и Учитель и ученик – это духовное единение.

И, конечно, работая над портретом Августы Оранской, ученик стремился выразить красоту ее духовного облика, богатство ее творческих устремлений. Пытался даже, когда писал портрет, фантазируя, проникнуть в тайну прежних ее реинкарнаций.

Образ прекрасной Дамы, прожившей большую жизнь, – один из центральных в творчестве молодого художника. В некотором роде его философия Красоты. Именно в этом образе видит он внутреннее свечение "вечной женственности", гармоничное соприкосновение мудрости прожитых лет и духовной красоты облика. Дмитрий Небогатов сам стихов не пишет, но очень любит поэзию, собирает уникальную библиотеку. Все стихи Августы Васильевны зна-

"Красота спасет мир"

Д. Небогатов. Женица-ночь

А.П. Кабанова. Заметки с выставки

ет наизусть. Художник считает, что о его творческом союзе с Августой Васильевной Оранской можно сказать вот этими строками Зинаиды Гиппиус:

*Я чту Высокого,
Его завет:
Для одинокого –
Победы нет.*

*...Господь прозрение нам ныне дал:
Для достижения –
Дорогу тесную, пусть дерзновенную,
Но неизменную,
Одну, – совместную –
Он указал.*

На этом совместном творческом пути и у Августы Оранской родилось немало прекрасных полотен. В них нашли воплощение свет и раскованная ныне, молодая энергия вечно юной души художницы, о которой не скажешь лучше, чем ее же стихами:

*Ну и что ж, что я стала не та,
И красивей с годами не стала.
Сожалеть о былом – маета,
И глядеть мне назад не пристало.
А о будущем стоит ли ныне?
Ведь его уже может не быть...
Только можно ли жизнь не любить!
Вон какой надо мной купол синий!
Вон какая мне светит звезда!
Тонут в мареве сонмы огней,
Убегающих, вечно манящих,
Все куда-то зовут поезда...
Может, не было прожитых дней
И реален один – настоящий?*

А настоящему дню Августы Оранской могут позавидовать и молодые живописцы. За последние годы создано немало. Это и глубокие по психологической разработке портреты великой русской актрисы Серебряного века Веры Комиссаржевской (один из любимейших образов А. Оранской). Это выхваченный из жизни со всем ее трепетом (увидела на улице!)

и жестко перенесенный на полотно драматический момент расставания – конца любви:

*Меня ты обнял, как свое дитя,
Но прикурив при этом сигарету,
Холодностью и пошлостью смутя.
И сердце дрогнуло в минуту эту.
Как говорится, сердце говорит,
Почуяло, что час развязки близок...
Хранила ночь молчанья монолит
Загадочной улыбкой Моны Лизы.*

А притягательное своим лиризмом, глубиной и искренностью полотно "Раздумье"! Перед ним подолгу стоят завороченные зрители. Сюжет картины прост и поэтичен.

Одинокая женская фигура на краю подернутого ночным туманом поля, у дорог, бегущих куда-то вдаль... Вот уже взошла окрашенная багрянцем луна, осветив купола недалекого храма за зеленой стеной леса. Куда идет эта женщина в белом платке и длинном одеянии староверов, какую выберет себе дорогу? В новый, манящий своим величием храм, или останется верна заветам своих предков-старообрядцев, шедших за веру на самосожжение? Прошлое и настоящее, их соприкосновение... Не оно ли рождает будущее, которое, как нам часто кажется, мы и не звали, а оно пришло, и нам плохо?..

И грусть и радость охватывают нас перед полотном Августы Оранской "Предзимье", где женская душа на пороге седой своей зимы так же прекрасна, как светящиеся в холодных лучах солнца золотые, осенние лиственницы, как алые, припорошенные снегом и все же яркие кисти рябины.

*Ко мне зима, как истина простая,
А я все о любви и красоте...
Летит листва, и первый снег не тает,
Рябины гроздь меня остерегает,
Тревожным цветом "стоп!"
кричит мечте...*

И снова от сегодняшней жизни, ее радостей и горестей, к мечте о Серебряном веке, к

"Красота спасет мир"

А. Оранская. Портрет Веры Комиссаржевской

постижению духовной революции России, где не было крови, был только страстный поиск Высших начал жизни. Поиск через философию, через красоту. Они были подрублены, эти искания, другой революцией – социальной. Подрублены, но все-таки живы, как вечно жива в нашей памяти трагическая фигура Зинаиды Гиппиус, олицетворяющая идеологию символизма, Серебряного века русского искусства. Вот она на полотне Августы Оранской.

В сине-красном зареве революции, с разведенными позади петроградскими мостами – нет дороги назад! С Эйфелевой башней внизу – здесь теперь ее приют... А вверху – купола церквей, и над ними Христово распятие, символ России ее распятой... Среди всех этих символов и встала во весь рост грозная, не смирившаяся душа Зинаиды Гиппиус.

К этой картине у Августы Васильевны своего стихотворения нет, она не пыталась соперничать со своей героиней. Дальше только стихи Зинаиды Гиппиус.

*... Моей души в ее тревожности,
Не бойся, не жалей.
Две молнии, две невозможности
Соприкоснулись в ней.*

*... Открой мне, Боже, открой людей!
Они твои ли, твое ль создание,
Иль вражских плевел произрастание?
Открой мне, Боже, открой людей!*

*... Но я земным обетам жадно внимлю.
Текут мгновения, звено к звену.
И я люблю мою родную Землю,
Как мост, как путь в зазвездную страну.*

А. Оранская. Портрет Веры Комиссаржевской

Трагичен был "путь в зазвездную страну" для Зинаиды Гиппиус, но тверд и неизменен. Мы знаем, как часто поэты прозревают и грядущее Родины, и свое будущее. А о нем, своем будущем, она рассказала уже в 1897 году, двадцати восьми лет от роду, в стихотворении "Родина".

*...И думает рыцарь, горюя:
"Не жалко мне жизни.
Мне страшно одно, что умру я
В Далекой Отчизне.
Стремлюся я к ней неизменно
Из чуждого края
И думать о ней, незабвенной,
Хочу, умирая".*

Вот написала эти строки и поняла, как же я благодарна выставке "Сны о прошлом" и ее авторам – Августе Васильевне Оранской и Дмитрию Небогатову! Ведь именно они заставили меня по-настоящему узнать и о Серебряном веке, и об удивительной женщине – Зинаиде Гиппиус, что до конца прошла крестный путь и осталась верна своим идеалам, идеалам Серебряного века.

И еще об одной картине должна я рассказать. Эту работу Дмитрия Небогатова я вспоминаю как нечто парадоксально-прекрасное (возможно, только в моем восприятии). Парадоксальным мне кажется то, что сюжет ее – посещение русского православного кладбища (а кладбища я с детских лет побаиваюсь) – решен в таком светлом, радостном ключе, что, глядя на картину, я не верю своим глазам.

Синева высоких небес, золотисто-алые и звездно-голубые купола церквей, припорошенных снегом, светло-пышные от зимнего убранства деревья, усыпанные бело-голубыми хлопьями кресты и памятники... И люди в одеждах прошлого века, что пришли сюда, к родным могилам. Все это, объединенное бело-голубым сиянием зимнего дня (картина так и названа – "Зимний день"), говорит об одном: о красоте вечности, о бессмертии человеческого духа, о соприкосновении. Соприкосновении времен и поколений через память, через верность Прошлому Родины, Прошлому, из которого рождается будущее Отчизны.

*Она не погибнет – знайте!
Она не погибнет, Россия.
Они всколосятся, – верьте!
Поля ее золотые.*

*И мы не погибнем, – верьте!
Но что нам наше спасенье?
Россия спасется, – знайте!
И близко ее воскресенье.*

З.Н. Гиппиус, 1918 г.

И еще я хочу сказать спасибо Людмиле Васильевне Шапошниковой за то, что из четырехсот полотен многих авторов, выставленных в Центральном Доме художников, она выбрала этих двух живописцев: Августу Оранскую и Дмитрия Небогатова.

Палитра Бога, или Путь к сотворчеству

В черных, с проблеском звездной пыли глубинах космической беспредельности – огромная палитра. Тонкий луч кисти словно смешивает на ней одновременно и огненные, и ледящие глаз краски мироздания...

"Надо же! – подумалось мне, – палитра Бога. Это с нее берет Он краски, расписывая вселенские просторы..." Так увидела я первую, завладевшую моим воображением картину на выставке "Знаки Беспредельности" в Центре-Музее имени Н.К. Рериха.

Не успев еще толком ознакомиться с предисловием к каталогу, я, войдя в зал, поняла, что живопись эта – некое космическое видение. Возможно, даже откровение, данное художнице Светлане Алексеевне Люшиной-Хараламбус, чтобы показать на полотне пойманные ею мгновения процесса сотворения мира. Процесса бесконечного во времени и пространстве...

Еще больше утвердилась я в своем понимании полотен, прочитав в каталоге прекрасную статью доктора философских наук, профессора В.Э. Войцеховича "Первые мгновения

Творения". С одной лишь оговоркой: если речь идет только о сотворении нашего, земного мира, то я согласна – они первые. Если же брать процесс шире, то мгновения эти теряются в бесконечности.

Философ Войцехович рассматривает картины Светланы Люшиной-Хараламбус прежде всего с точки зрения последних открытий науки: физики, математики, астрономии. Это ее радует. Гуманитарий по образованию, театральный режиссер, она всегда смотрела на людей науки с некоторым пиететом, восхищаясь неординарностью их мышления.

Моя же задача другая. Рассказать не только о том, как мы, зрители, в том числе и автор этого очерка, видим и понимаем картины художницы, но и о том, что думает о них она сама, в чем видит свое назначение, каким был ее путь к живописи нового уровня.

В желто-красном лучистом кольце огня, в глубине темнеющего его жерла угадывается золотистая фигура человека, яростно бьющего по невидимой наковальне.

Может быть, в этой символи-

*Я ль несся к бездне полнощной,
Иль сонмы звезд ко мне неслись?
Казалось, будто в длани мощной
Над этой бездной я повис...*

А. Фет

*В кругу светил, созвездий и
планет
Тебе, о Жизнь, кончины нет,
Но лишь в мирах духовной
красоты
Бессмертная, ликуешь ты.*

А. Чижевский

ческой картине подсознательно (а именно так написаны все ее полотна) художница создала образ агни-йога, кующего ступени своего восхождения. Этот образ, пожалуй, можно отнести и к самой художнице, ведь в ее жизни, при всем внешнем благополучии, были серьезные испытания, преодолевая которые она и получила свой дар.

Юная выпускница режиссерского факультета ГИТИСа, подающая большие надежды, влюбляется и выходит замуж за молодого художника, грека-киприота, закончившего в Москве Суриковский институт. Они отправляются на Кипр, где появляется на свет их дочь Надежда, по-гречески – Эльпида.

Принимают Светлану на Кипре прекрасно, как человека, олицетворяющего лучшие черты своей родины, СССР. Она быстро овладевает греческим языком и, воспитывая дочь, начинает режиссерскую работу в театрах Кипра и на телевидении. Казалось бы, все замечательно: экзотические красоты острова, патриархальный, чистый в нравственных своих устоях православный народ, крепкая семья. Маленькая Эльпида-На-

Светлана Алексеевна Люшина-Хараламбус.

дежда, как некогда сама Светлана, все время танцует и, конечно, мечтает учиться на маминой родине, в Московском хореографическом училище Большого театра. Приходит пора, и десятилетнюю девочку принимают в этот Храм искусства, где она получает возможность воплотить в жизнь детские мечты матери.

Да, все, казалось бы, замечательно, но творческой потенции Светланы нужен был иной масштаб, соизмеримый с масштабом ее родины, где, по выражению художницы, "бацилла

творчества" и необходимая для него "роскошь человеческого общения", в которой она выросла, носятся в воздухе и зовут к созиданию. Небольшой, замкнутый мир прекрасного Кипра тесен русской одаренной женщине. Из года в год приезжая в Москву навестить дочь в интернате училища, она по возвращении домой все больше тоскует по ней, по живущей в Киеве одинокой, стареющей матери, по друзьям, все глубже чувствует духовное свое одиночество. Единственной отрадой становятся книги. Она изучает фило-

софию, читает по-гречески "Диалоги" Платона. А в перестроечные годы, когда в Москве появляются книги о Рерихах и сама Живая Этика, погружается в них всей душой. Но дома, на Кипре, ей не с кем поделиться этим своим богатством... Режиссерская работа не дает Светлане того полного осуществления личности, которым, по словам художницы, "человек измеряется перед Богом". Душевные опоры, что держали ее раньше, тают. Чувство, что жизнь кончается (а она полна сил!), овладевает ею. Ей не понятно, зачем пришла она в этот мир. Наступает душевный кризис. "Кто не пережил такого на большом "форте", вряд ли меня поймет", – говорит Светлана.

Вот тогда-то и появилась повелительная потребность рисовать, словно давалось ей некое поручение, какое она, человек ответственный, должна была выполнить с помощью холста и красок. Как и что рисовать, она и сама толком не знала, но отважно взялась за кисть и "приступила к процессу". Именно в нем – в долгом процессе работы, дпящемся в среднем четыре-пять месяцев, один за другим отбрасывая многие варианты, – она, по ее словам, обретает "то", ради чего и создавалось полотно. А вот что значит это "то", художница однозначно объяснить не берется.

"Одного значения здесь нет, – говорит она, – здесь много смыслов заложено". Поэтому Светлана и не дает своим работам названия. "Часто и сама его не знаю, и к тому же не хочу ста-

"Красота спасет мир"

1997

вить между полотном и зрителем какую-то стену. Картины сами зовут зрителя открыть тайну, некий смысл, отреагировать душой, сердцем. Вы не представляете, как много неожиданного для меня самой видят зрители в моих работах!"

Когда я рассказала художнице, что я увидела на ее картине "палитру Бога", который расписывает мироздание, она обрадовалась. "Это очень интересно, вы сотворили прекрасный образ. Вот уходит отсюда человек с каким-то, им же вызванным к

жизни с моей помощью образом, и образ этот будет теперь существовать в пространстве. Знаете, один музыкант убеждал меня, что я в своей работе следую музыкальному закону фуги – сложного многоголосья. А астроном доказывал, что это – весть, поданная из какой-то галактики. Я сама начинаю постигать суть своих картин именно в этом многообразии человеческого восприятия".

"Картины завораживают. Они соединили в себе все лучшее из накопленного космиста-

ми. Вы, – обращается к художнице Полина из Калуги (фамилию она не назвала), – показали космос человеческой души". С этим трудно не согласиться. И дальше: "Космос фантастический и нереальный". Вот с этим согласиться не могу: почему же фантастический? Ведь космос этот реально существует в душе художницы и ею же воплощен на холсте.

На глубоком, нежно рефлексующем ультрамарине пространства, в знаке бесконечности, что известен нам как опро-

1997

кинутая набок цифра "8", происходит рождение перла, сотворение прекрасного. Эта жемчужина стягивает к себе из безмерности пространства светлые блики, чтобы засиять тем духовным светом, без коего нет красоты... Засветившись в полную силу, жемчужина отдает свою энергию, чтобы зажечь новый перл, новую красоту. И так – бесконечно...

Быть может, вся природа – мозаика цветов?

Быть может, вся природа – различность голосов?

Быть может, вся природа – лишь числа и черты?

Быть может, вся природа – желание красоты?

К. Бальмонт

Желание красоты, страстное к ней устремление водит рукою художницы. Как древнерусские мастера строили Божии храмы? "Как красота и мера скажут". Так заканчивает долгую работу над полотном и художница, поймав, наконец, "го", к чему она подсознательно стремилась.

Возможно, этот дар Светла-

ны, так неожиданно в ней раскрывшийся, давший ей духовную опору и сделавший ее самодостаточной, был и неким воплощением в жизнь художнической одаренности ее матери, Надежды Андреевны, – ведь она в ранней юности прекрасно рисовала и мечтала стать художницей... Но не сбылось. Сбылось у ее дочери. Увидев ее картины, она сразу их приняла и до самого ухода из жизни, глядя на них, говорила: "Боже, за что мне такое счастье?!" Материнским счастьем стало счас-

"Красота спасет мир"

1997

ть дочери, утвердившейся в своем призвании.

Объясняя, почему она так долго пишет одну работу, отбрасывая первоначальные варианты, Светлана сказала: "В картине не должно быть ни одного неискреннего, лживого мазка! Ложь для искусства – как гангрена, погубит все из-за одного мазка, что шел не от сердца".

"Потрясены! Мы побывали в небе, в Космосе, увидели то, что чувствовали подсознательно" (Грищенко, Москва. Малтерова, Ленинград).

Мощь неодолимого в своем сиянии Агни, жизнедающие зо-

лотые лучи Ярилы! В первый момент они ослепляют зрителя. И только привыкнув к этому свечению, замечаешь яростное буйство жизни во всем многообразии ее форм. Вот они, пышные растения, под их сенью угадываются силуэты животных, а еще дальше, в сиянии Божественных лучей – луковидные купола рукотворных храмов. Человек уже поет осанну Свету...

Пластика процессов творения на картинах художницы удивительно динамична, это делает их особенно убедительными. "Такого совершенного отображения процессов сотворения миров еще не было. Картины

близки идеям и образам А. Скрыбина", – считает кандидат искусствоведения А.И. Бандура.

А вот еще одно зрительское мнение. Ученый, доктор географических наук А.Д. Арманд: "Главное достоинство этих работ я вижу в недосказанности мысли, которая даже не мысль, а чувство. Художница оставляет простор для совместного творчества автора и зрителя. Приглашение к сотворчеству – не частое свойство даже крупных мастеров, а в такой мягкой форме я его просто не встречал".

Позволю себе не во всем согласиться с ученым. На мой взгляд, всякое творчество, в лю-

1997

бой области человеческого духа, разума, рук, направленное на общее благо, уже есть Сотворчество, даже если оно не декларировано. Сотворчество с Божественным разумом, и, конечно, с людьми, что принимают для себя, для общего блага плоды этого общего созидания. Пользуясь этими плодами, они тоже продолжают Сотворчество.

А закончить очерк о замечательной художнице Светлане Люшиной-Хараламбус мне хотелось бы мыслью о том, что ее творчество – еще одно свидетельство тому, что мы вступаем в эпоху женщины – ту самую эпоху, о которой писала Елена Ивановна Рерих.

1997. Холст, масло

Истина Катерины Белокур

В Международном Центре Рерихов осенью 2001 года откроется уникальная экспозиция. Она могла бы оказать честь лучшим залам московских художественных музеев. Это юбилейная выставка к 100-летию со дня рождения Катерины Белокур, Народной художницы Украины. Уникальная самобытность и масштаб ее дарования, та необычайная сила духа, с какой отстояла она право осуществить свой талант, поражают. На выставке ЮНЕСКО 1958 года в парижском Лувре ее полотна восторженно оценил Пабло Пикассо.

Творческая судьба художницы – крестьянки из глухого украинского села – одна из неповторимых страниц мировой живописи.

Утонченно-изысканное творчество Катерины Белокур вряд ли можно отнести к наивной живописи гениальных самоучек – таких, как Пиросмани, Руссо, Приймаченко... Хотя картины ее и хранятся в Киевском Музее народно-прикладного искусства. Феномен Белокур, наверное, не в том только, что бедная крестьянка, никогда не ходившая в школу, сама постигавшая грамоту и основы рисования, стала великой художницей. Как чудо воспринимается космический масштаб ее мироощущения. Особенно если учесть, что главной темой ее живописи были цветы, которые называла она "очаи земли".

Ровесница XX столетия, прожившая 60 лет, она из-

ведала не только муки и тяготы железного этого века, но и узнала трагическое непонимание близких, агрессивное отталкивание всего окружения, чуждого тому, что для Катри было смыслом жизни.

Как же при всем этом смогла она собрать в себе и оставить нам столько света и чистой радости – того, что я называю Космосом Катерины Белокур?

Картина "Полевые цветы" в первый момент показала мне небом: в голубом сиянии, словно всплыв из глубин мироздания, проступали цветы. Из млечной дымки своих аур они смотрели на меня, как дивные очи непостижимо-прекрасного мира. У меня вдруг перехватило дыхание: вот оно – совершенст-

во, вот она – вселенская гармония, где все со всем согласно и где ни один цветок в многосложной композиции не противоречит другому, но только подчеркивает прелесть всех и каждого.

В скромном музейном зале, один на один с миром не известной мне доселе художницы, я почувствовала дыхание Божественной любви. По ее законам творила Катерина Белокур, отдаваясь "святому малярству", как называла она свое творчество.

"В будни мне рисовать запрещалось, – вспоминала она в одном из писем о своей ранней юности. – Разрешалось делать, что хочу, лишь в воскресенье, после обеда. Только тогда я могла или с дивчатами гулять,

Автопортрет. 1950

или читать. А захочу, мне говорят, то могу и головой своей беспокойной о пень биться". И чем старше становилась она, тем больше приходилось ей биться головой о "пень" родительских запретов: рисование считалось в крестьянском доме пустой и непозволительной тратой времени.

И еще из письма, тоже свидетельство той жизни: "Мама, бывало, плачет да-

же: вот, говорит, наказал нас Бог дочкой. У людей в этом возрасте дочки уже замуж вышли, их матери зятей имеют... Осенью 1933 года говорю отцу и матери: "Дальше откладывать не могу, а буду учиться рисовать". Отец посмотрел на меня так, будто я ему сказала, что поставлю лестницу и полезу на луну. "Да где это слыхано, чтоб необразованная баба-кре-

стьянка вдруг стала художницей? Да такого еще белый свет не видывал!" "Ну, если не видывал, то пусть и такое увидит", – ответила я, утирая слезы. "Ну, рисуй, будь ты проклята! Ни брани, ни слов ты не слушаешь, а бить я устал". С таким вот благословением я и стала учиться рисовать. Копала, садила, полола, собирала, пряла, ткала и все дела делала, а в промежутках рисовала. И за это меня звали... паразитом и лентяюгой".

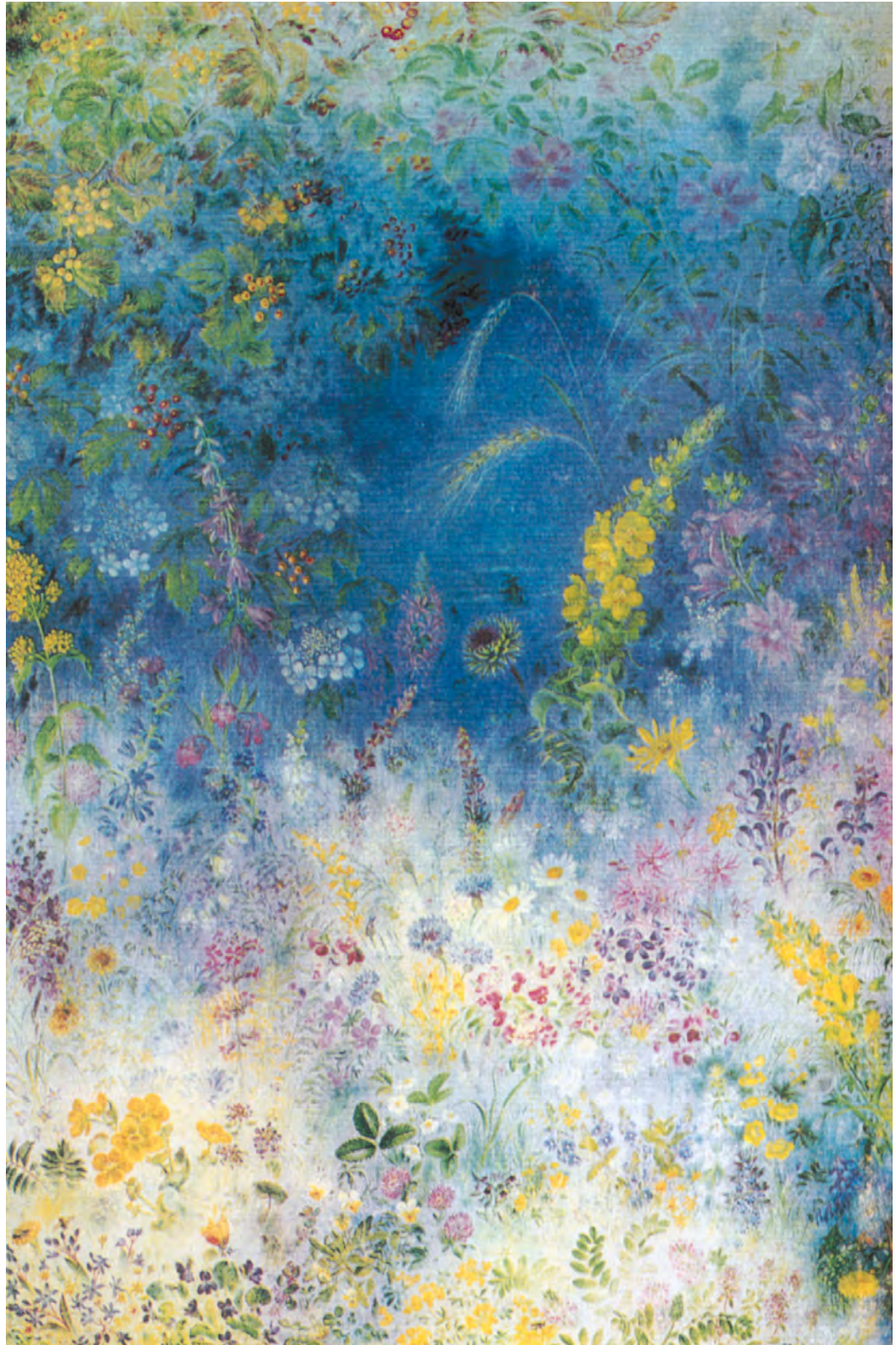
В домашних войнах победителей не бывает – мучаются все. Доведенная до отчаяния, Катря однажды поздней осенью побежала на пруд. На глазах родителей вошла в ледяную воду – сначала по колено, потом по пояс, по грудь, по шею... И только тогда остановилась, как услышала с берега: "Да рисуй ты, сумасшедшая! Выходи!"

А как училась рисовать? Где-то что-то прочла, от кого-то услышала: как художники маслом пишут, как самой можно краски делать, кисти мастерить... Ну, а полотно сама ткала, сызмальства приспособилась – брала кусок холста, уголек и рисовала.

"А рисовала я тогда не виды, – вспоминала потом. – А все каких-то птиц фантастических".

Может, потому их рисовала, что и сама, как птица, стремилась ввысь, в неве-

"Красота спасет мир"

Полевые цветы. 1941

Полевые цветы. Фрагмент. 1941

"Красота спасет мир"

Пионы. 1958

Георгины. 1940

"Красота спасет мир"

Буйная. 1944–1947

домую даль. Все лучшие ее картины – это вознесенные над землей фантастические композиции из трав, цветов, листьев... Фантастические и в то же время очень реальные: каждый цветочек скрупулезно выписан, а все вместе они в невероятных сочетаниях

вынесены художницей куда-то в поднебесье – в туман, в свет вечерних сумерек...

Импровизационный характер придает этим композициям особую прелесть и непосредственность. Известно, что Катерина Белокур никогда не делала на

холсте первоначального наброска, даже общего плана, а начинала с одного цветка. Думаю, таким образом оставляла она себе возможность для бесконечного поиска.

Думая о Катерине Белокур, вспоминаю по контрасту, знаете кого? Великого художника трагической судьбы, Винсента Ван Гога. Помните его "Подсолнухи"? Они воспринимаются как что-то тревожное, словно в этих солнечных цветах запечатлелась вся горечь жизни. А Катерина Белокур несла в свои полотна только благоговейный восторг перед щедростью земли, которая дарит человеку свою любовь – цветы.

"О, как радостно, – пишет она в зрелые уже годы, – что есть возможность работать каждый день: не чувствуешь ни старости, ни одиночества. Ведь из-под кисти твоей каждый день появляется на полотне что-то новое, прекрасное, чудесное". Письмо написано в тот период, когда "святое малярство" увидели наконец и художники, и зрители в Полтавском доме народного творчества. Произошло это в 1940 году.

А случилось все так: услышала Катерина по радио чудный голос Оксаны Петрусенко и так прониклась сердечностью ее пения, что послала певице письмо-исповедь, где и о своей

Букет цветов. 1960

доле ей поведала. Певица откликнулась и помогла Катерине связаться с Полтавским домом народного творчества. И там наконец художница обрела понимающих друзей. С их помощью впервые приехала в Киев, услышала в театре оперу, обошла художественные музеи. И не только киевские. Увидела она и Третьяковку в Москве, и другие замечательные му-

зеи. Это было как в счастливом сне...

Но сон длился недолго – началась война, опустилась ночь оккупации. Большая коллекция работ Катерины Васильевны сгорела в Полтаве. Нетрудно представить, каким испытанием для нее были те годы. Но и в войну, и в послевоенную разруху не оставляла художница своей работы. В 43-м году написала она не-

вероятное по утонченной красоте и изяществу полотно – "Цветы на голубом фоне".

Вокруг длинного, вытянутого вверх стебля, увенчанного золотистыми головками лилий, собраны алые пионы, гроздья сирени, розы, садовые ромашки... Цветы располагаются почти горизонтально, пересекая в центре главную вертикаль картины – стебель лилии, и образуют некую конфигурацию, напоминающую крест. Крест из ослепительных соцветий, утопающих в глубокой синеве...

Не думаю, что художница сознательно стремилась написать крест, выстраивая композицию. Хотя кто знает? Но вероятнее всего, вышло все интуитивно, ведь в те годы весь народ наш нес крест, преодолевая вражеское нашествие. У Катерины Белокур крест из прекрасных цветов стал символом Надежды, Веры и Любви. Любви к истерзанной родной земле, к ее красе, не исчезающей даже в страшные времена. Надежды и Веры в закон гармонии, который должен же наконец восторжествовать! И для всего народа, и в собственной ее судьбе.

Но на роду ей было написано иное. Даже тогда, когда ее работы были выставлены в парижском Лувре и восхитили не только Пабло Пикассо (свидетель-

"Красота спасет мир"

Полевые цветы. 1950-е

А.П. Кабанова. Заметки с выставки

ством необычайного успеха стало похищение двух ее картин из хорошо охраняемого музея), даже тогда сопровождала ее по жизни тяжелая нищета, насмешливое пренебрежение большинства односельчан, считавших художницу... слегка тронутой.

В 1986 году я побывала на родине Катерины Белокур в ее Богдановке. В мемориальном доме-музее познакомилась с Ольгой Климовной Белокур (в Богдановке полсела – Белокуры). В прошлом учительница украинского языка и литературы, уйдя на пенсию, смотрела она за домом-музеем, нарядно убранной белой украинской хатой. Ольга Климовна хорошо помнит знаменитую свою землячку:

– Знаете, она все время спешила и всегда работала стоя. "Пока я сяду, да встану..." Времени ей жалко было, старалась больше успеть. Спросишь ее: "А когда вы читаете?" Усмехнется: "Когда кушаю". Печку топит и приговаривает: "Сколько бы я за это время нарисовать успела". Знала я Катерину Васильевну с 1947 года. Задумчивый была человек!.. В самую душу вам заглядывала... А вот тут ее самодельные кисти и краски – все делала сама...

Рассказывая это в нарядном музее, Ольга Климовна не стала вспоминать для заезжей столичной журналистки, какой была здесь об-

становка в последние годы жизни художницы. Катерина Васильевна, уже смертельно больная раком, жила тогда с 90-летней матерью, и это время стало для нее последним и самым тяжелым испытанием: полная заброшенность, старая хата с земляным полом, прокопченная печка с охалкой хвороста, сырость по углам...

*Печальный мир!
Даже тогда, когда
расцветают вишни,
Даже тогда...*

Исса

Японские трехстишия часто приходят мне на память, когда я думаю о Катерине Белокур. Кажется, из всех художников ее творчество более всего созвучно искусству японских живописцев прошлого. Ведь они тоже умели увидеть космос в чашечке цветка...

*Чужих меж нами нет!
Мы все друг другу братья
Под вишнями в цвету.*

Исса

Да, все мы братья перед лицом красоты. Помните, у Николая Рериха: "Красотою объединяемся. Красотою молимся. Красотою побеждаем".

И кто знает, состоялась бы эта художница, имей она другую судьбу, благополучную? Всей душевной силой гениально одаренного человека противосто-

яла она враждебным обстоятельствам. И победила.

И только неосуществленное в ее жизни материнство тосковало в ней, выплескиваясь на полотна последних картин, коими, к слову сказать, пренебрегли тогдашние искусствоведы. После смерти художницы, приехав в Богдановку, они посчитали их "сюром", не пригодным для столичного музея. Зато школьный учитель математики из соседнего с Богдановкой райцентра Александр Степанович Непорожный подобрал "никому не нужные" картины и создал в своем городке замечательную экспозицию. Слава и благодарность ему наша за спасенную красоту!

Придет сегодняшний зритель на встречу с замечательной художницей и долго будет смотреть в задумчивости, как с высокой синевы небес спускается к земле люлька, а в ней крохотный мальчик, сынок, которого так и не дождалась Катря. Рядом с люлькой – подсолнух, то ли плачет, то ли утешает:

– Разве я не сын тебе, Катря? Посмотри, сколько кругом твоих деток! Ты им дала вечную жизнь на своих картинах. Ты усыновила и удочерила все цветы матери-земли...

Родине и людям подарила художница вечную гармонию и любовь, и в этом был смысл, высшая истина ее жизни.

n